

МЯГКОВ Андрей... Вспоминаются при этом имени разные картины из увиденного и услышанного в театре и кино, сцены, разговоры, и они мелькают, как диапозитивы, увеличенные проектором:

— Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один индифферентизм... — Эти слова Медведенко из «Чайки» произносились актерами разных времен и театров поразному: жалобно и жалко, картинно и напыщенно, манерно и с затаенной болью. Мягков нашел для них свой оттенок: растерянности и еле уловимого, сожалеющего вздоха о себе — беспомощном, неловком, ничем.

— Брат! Неужели один человек имеет право решать, кто достоин, а кто не достоин жить? — этот вопрос мучает Алешу Карамазова.

— Я — очень хочу понять! — страдальчески, робко и несколько заискивающе говорит обедневший князь в экранизации пьесы Горького «Дети» — дипломной работе вгиковцев, которая сейчас снимается на «Мосфильме».

Этот тон, единственно возможный, был найден после долгих репетиций, после нещадного труда, после седьмого пота. Начиная актер с ровного, почти бесстрастного: «Я очень хочу понять...». Потом добавлялось нечто, после которого получалось извиняющееся, типично горьковское тире после «я»: «я — очень хочу понять!». Потом это «я» совсем стушевывалось, производилось полушепотом, акцентировалось «очень» и «понять!». К концу работы над такой крохотной фразой перед вами был уже не стройный, высокий Мягков Андрей с твердым и четким голосом, а «человек неопределенного возраста, лысоватый и хилый», растерявшийся вконец, с дребезжащим голосом, князь Свирь-Мокшанский.

И с невольным уважением наблюдая за муками актерского труда, я вспоминаю слова Андрея: «Репетиции? Это как ежедневная физзарядка. Работая над собой, не жалея себя, не остываешь в любви к своей профессии».

Какие же разные и непохожие роли выпали на долю Мягкова! За шесть лет актерского труда — 22 роли в театре и пять в кино.

Я спросила актера:

— Какие роли хочется играть?

Он ответил несколько неожиданным:

— По-моему, актер должен и обязан уметь все. Чтобы не быть привязанным к одной теме. Чтобы «опробо-

Андрей Мягков: КАК БЫТЬ РАЗНЫМ

вать», ощутить в себе какое-то актерское, а может быть, и человеческое разнообразие.

На «человеческое разнообразие» как раз везло и везет, пожалуй, Мягкову и в кино, и в театре. Только за последнее время на экране он сыграл Герцена («Старый дом»), композитора Вершинина, прототипом которого послужил Мясковский («Симфония, рожденная заново»), Гайдара («Серебряные трубы»).

— Каждая роль ставит перед актером проблемы, которые нужно решать как-то по-своему, — говорит Мягков.

«Серебряные трубы»... Большой, израненный в боях гражданской войны молодой писатель, несмотря на протесты врачей, отправляется на фронт, не разрешая никому делать ему снисхождение.

Случайна ли его смерть? Какими актерскими средствами показать, что в трудные для Родины минуты не мог не оказаться на переднем крае ее верный солдат... Он писал для детей книги о мужественных и смелых людях-борцах. Он не мог не быть сам человеком-борцом.

Тимур Гайдар, сын писателя, журналист, смотрел фильм задумчиво и строго. «Вы мало похожи на отца внешне, — сказал



он Мягкову, — но я слышал тему его книг».

Это было больше чем похвала и желаннее. Андрей, приступая к этой роли, почувствовал себя вначале опять тем ленинградским мальчишкой, который рос на книгах Гайдара, зачитывался «Тимуром и его командой», «РВС» и «Военной тайной».

Правда, теперь за спиной актера были и школьные годы, и вуз — он закончил Ленинградский химико-технологический, — и студия МХАТа. А еще шесть лет в такой серьезной школе, как театр «Современник». Но все-таки взрослым и мудрым Гайдаром-писателем он стал не сразу — это ощущение пришло после многих репетиций и раздумий, после многих досадных: «Опять не так!».

...Я говорила с ним в фойе «Современника». В этот день давали «Декабристов», где Мягков играл князя Трубецкого — нерешительного, растерявшегося в трудный момент. И мне показалось, что я все время «вырываю» актера из тех далеких времен начала прошлого века, что в этот час его больше занимает проблема — быть или не быть на Сенатской площади, возглавить или отойти...

У меня было ощущение, что в фойе театра он присутствовал лишь зримо, лишь считанные минуты из того часа, что мы говорили, — для краткого ответа на мои вопросы...

Л. ГАЕВА.

6 ОКТ 1970

СЕНАТСКАЯ КУЛЬТУРА